

Но как только Сюй Минцзинь открыл рот, герцогиня уже прошла мимо него и обняла Су Ина, который стоял в стороне, словно наблюдатель. Слезы на её глазах скатились по щекам.

— Все эти годы ты столько страдал, мой сын!

— Это всё из-за моей глупости, что я потеряла тебя тогда...

Сюй Минцзинь оцепенело повернул голову, наблюдая, как герцогиня, обняв своего потерянного и вновь обретённого сына, плачет от счастья. Свет в его глазах погас, сменившись густой, непроглядной тьмой.

Сильное чувство унижения и ярости бушевало в его сердце.

Проклятая! Проклятая! Проклятая! Все они проклятые!

Несравненная ненависть изливалась из его глаз.

Затем широкая ладонь легла на его плечо.

Сюй Минцзинь с удивлением поднял голову, и его глаза, ещё полные ненависти, встретились с взглядом герцога Вэй Сюй Цяня.

Сюй Цянь нахмурился, почувствовав, что решение, принятое им в спешке перед приездом, было правильным:

— Похоже, ты нас возненавидел.

— Нет... — начал было Сюй Минцзинь.

— Не нужно больше говорить, — прервал его Сюй Цянь, его рука, словно железный зажим, сжала плечо Сюй Минцзиня. Он произнёс тяжёлые слова:

— Твой отец когда-то спас мою семью, и дом Вэйского гуна воспитал тебя шестнадцать лет, считая это возвращением долга. С этого момента мы больше ничего друг другу не должны.

На его лице появилась тень сожаления.

— Я надеялся, что, когда Минцзюй вернётся, вы сможете ладить и поддерживать друг друга, став одной семьёй. Но, как видно, не всё в этом мире зависит от наших желаний.

Он считал жаль терять воспитанного с таким трудом приёмного сына. Если бы Сюй Минцзинь смог ладить с родным сыном, то, учитывая заслуги доктора Ли, можно было бы оставить его в доме. Но рассказы Сюй Минъюя, вернувшегося в дом, заставили герцога и его супругу понять, что такие надежды тщетны. Поэтому они могли лишь выбрать одного из них.

Изначально в сердце Сюй Цяня ещё оставалась капля сожаления, но, увидев Сюй Минцзиня, эта капля быстро исчезла.

Этот приёмный сын, похоже, возненавидел даже их.

— То, что произошло тогда, было ошибкой, и нельзя ошибаться снова. Каждый должен занять своё место, это лучше для вас обоих.

Услышав эти слова герцога, Сюй Минцзинь, кажется, понял что-то. Его глаза постепенно расширились, а на лице появилось выражение ужаса:

— Нет... — только не это!

— Я исключил тебя из семейного реестра, — продолжил Сюй Цянь, не давая ему опомниться.

— С этого момента ты больше не член семьи Сюй. Живи как знаешь.

Сказав это, герцог повернулся к судье Вану:

— Этот юноша был мне как сын много лет, и хотя он теперь полон ненависти и убил человека, чтобы опорочить моего сына, прошу вас, господин Ван, учитывая мои заслуги перед Великим Ци, вынести более мягкий приговор.

Он добавил:

— Я не прошу вас нарушать закон, я уже получил устное разрешение от императора.

— Герцог Вэй служил императору верой и правдой, его заслуги известны всей стране. Я всегда восхищался вами. Это мелочь, о каком нарушении закона может идти речь? — сразу же откликнулся судья Ван, его круглое лицо озарилось улыбкой, и он поклонился в сторону дворца. — Если император уже принял решение, я смиренно подчиняюсь.

Устное распоряжение императора было простым: «Это твоё семейное дело, поступай как считаешь нужным».

Императору было всё равно, как умерла Лань Синь, и он предпочёл использовать это, чтобы оказать милость своему подданному.

Таким образом, Сюй Минцзинь был приговорён к «году каторги».

Изначально герцог Вэй планировал избежать каторги, заменив её крупным штрафом, чтобы покончить с этим раз и навсегда. Но, обнаружив, что Сюй Минцзинь полон ненависти и поняв, что его характер уже не исправить, он изменил своё решение, решив, что лучше оставить его в тюрьме на год, чтобы тот одумался.

Срок был сокращён на два года, но Сюй Минцзинь не чувствовал ни капли радости.

Скорее, он ощущал ещё большую боль, чем раньше.

Герцог Вэй действовал слишком жестоко!

Сначала исключение из семьи, затем приговор. В одно мгновение он потерял всё и превратился в оклеветанного убийцу.

Глаза Сюй Минцзиня налились кровью, он чуть не бросился вперёд, как безумный, но был схвачен стражниками.

В последний момент он увидел, как его отец, всегда сдержанный и величественный, неуверенно подошёл к другому юноше, проявляя редкую нервозность.

Родители, которых он называл мамой и папой больше десяти лет, осторожно окружили другого юношу, словно это было потерянное и вновь обретенное сокровище.

Сюй Минцзинь больше не мог сдерживаться и выплюнул кровь, потеряв сознание.

В то время как судья Ван выносил новый приговор, в доме Вэйского гуна уже начали действовать. Множество историй, как правдивых, так и вымышленных, распространились по столице, полностью изменив общественное мнение.

Теперь Сюй Минцзинь стал тем, кто, не смирившись с потерей титула наследника, убил Лань Синь, чтобы опорочить нового наследника. Герцог Вэй стал великодушным старцем, который, несмотря на всё, обратился к императору, чтобы смягчить наказание своему приёмному сыну. Однако, учитывая заслуги доктора Ли, некоторые моралисты осуждали дом Вэйского гуна за жестокость. Лишь Су Ин остался чистым, превратившись в несчастного, который, прожив шестнадцать лет в изгнании, был найден, но стал жертвой заговоров Сюй Минцзиня, готового даже убить, чтобы втянуть его в свои дела.

Если бы Сюй Минцзинь знал об этом, он понял бы, насколько наивными были его прежние представления.

Дом Вэйского гуна, конечно, не хотел, чтобы наследник оказался втянут в скандал, связанный со смертью Лань Синь, и подвергся необоснованным подозрениям. Но с их влиянием истинная причина смерти Лань Синь не имела значения. Достаточно было представить версию, выгодную наследнику, и она становилась истиной.

Шанцзин, квартал Аньян, дом Вэйского гуна.

— Это твой дедушка, это твой дядя и тётя, Миньюя ты уже видел, а это твой двоюродный брат Мингуй...

Герцог и его супруга, только что вернувшиеся с найденным сыном, вызвали переполох во всём доме Вэйского гуна.

Согласно этикету, младшие должны были приходиться к старшим, но в доме Вэйского гуна, видимо, решили пренебречь этими правилами, либо все настолько хотели увидеть Су Ина, что нарушили их. Так или иначе, вся семья собралась вместе, и герцогиня Ли с улыбкой представила Су Ина всем родственникам. После круга знакомств в руках Су Ина оказалось множество подарков от старших. Самый щедрый подарок — земельный участок — преподнёс старый герцог.

Дядя и тётя также не скупились, подарив золотые и нефритовые изделия, которые, судя по их виду, были высшего качества.

Дядя Сюй Цин был человеком спокойным, работал в Министерстве церемоний, а тётя Чжан происходила из семьи военного чиновника пятого ранга, а её мать была из купеческой семьи. В отличие от благородной и нежной герцогини Ли, она была более открытой и жизнерадостной.

Двоюродный брат Сюй Миньюй подарил редкий древний манускрипт.

Увидев его, Сюй Цин сразу же оживился:

— Где ты нашел эту книгу? Это же редчайший экземпляр!

Второй сын дома Вэйского гуна был известен своей страстью к коллекционированию книг и произведений искусства.

Сюй Миньюй, очевидно, знал об увлечении отца и объяснил:

— Этот манускрипт был сокровищем бывшего левого цензора Чэня. После его смерти семья Чэней пришла в упадок, и их потомки, не умея зарабатывать, оказались в долгах и начали тайно продавать наследство предков. Я случайно оказался там и купил несколько древних книг и произведений искусства, среди которых было несколько редких экземпляров.

— На обратном пути я заметил, что Саньлан интересуется древними книгами, особенно путевыми заметками, и решил подарить ему эту книгу, надеясь, что она ему понравится.

Он с улыбкой обратился к Су Ин.

— Когда был жив господин Чэнь, семья Чэней была в расцвете, и кто мог подумать, что они опустятся до такого! — Сюй Цин вздохнул, но, взглянув на улыбающегося Су Ина и сдержанного Сюй Миньюя, снова улыбнулся. — Хорошо, что в нашем доме есть достойные наследники...

Эти слова едва слетели с его губ, как он замолчал. Его взгляд упал на слегка полноватого юношу с детским лицом, который сидел внизу. Юноша широко раскрыл глаза, его взгляд был рассеян, словно он витал в облаках.

Сюй Цин недовольно указал на него:

— Чуть не забыл, этот негодяй, наверное, станет ещё большим расточителем, чем те неудачники из семьи Чэней. Когда я умру, придётся тебе, Саньлан, присматривать за ним, чтобы он не умер с голоду на улице.

<http://bllate.org/book/15395/1360051>